

Гжегож В. Колодко

ВЕЛИКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ. МОГЛО ЛИ БЫТЬ ЛУЧШЕ? БУДЕТ ЛИ ЛУЧШЕ?

Редко, когда за столь короткий исторический период изменяется так много, как за время постсоциалистической системной трансформации, начавшейся в 1989 г. и продолжающейся до настоящего времени. Одни полагают, что для 10 стран ЦВЕ (Болгарии, Венгрии, Латвии, Литвы, Польши, Румынии, Словакии, Словении, Чехии и Эстонии), вошедших в состав Европейского союза и институционально дозревших до полнокровной рыночной экономики, трансформация уже увенчалась успехом. Другие утверждают, что до этого еще далеко.

Я разделяю второй взгляд, поскольку сам факт формального членства в ЕС, предполагающий в соответствии с установленными еще в 1992 г. “копенгагенскими критериями” признание страны “функционирующей рыночной экономикой”, способной к конкуренции в рамках европейского интеграционного объединения, не предопределяет ее реальной системной зрелости. Единственным разумным критерием такой зрелости может служить качественная продвинутость рыночной культуры в широком смысле и развитость институтов, то есть правил рыночной экономической игры, которые обеспечивали бы эффективное действие механизмов создания и распределения капитала, а также раздела произведенного продукта. Говоря об эффективном функционировании таких механизмов, следует иметь в виду как динамику хозяйственных процессов, так и их сбалансированность. Поэтому для достижения удовлетворительного с этой точки зрения состояния институтов и культуры рынка необходим дальнейший прогресс.

Что касается других регионов, где проходит процесс трансформации, то здесь есть и такие государства, в частности в постсоветской Центральной Азии, которые с их пор нельзя считать постсоциалистическими; в лучшем случае можно сказать, что они лишь реформируют свои системы. Не вызывает также сомнения, что в 1989 г.

КОЛОДКО Гжегож В., профессор, директор Центра исследований трансформации, интеграции и глобализации – *TIGER* (Варшава), в 1994–1997 гг. и 2001–2003 гг. – заместитель премьер-министра, министр финансов Польской Республики (www.tiger.edu.pl).

тогдашние Югославия, Венгрия или Польша были в большей степени рыночными и либеральными, чем такие страны, как Азербайджан, Узбекистан или Туркменистан, 20 лет спустя. Однако тогда, учитывая соответствующее окружение, никому не приходило в голову называть страны первой группы “трансформированными экономиками”, так же как теперь страны второй группы – тоже в контексте внешнего окружения – не называют “реформированными социалистическими (коммунистическими) экономиками”.

КАСКАД СОБЫТИЙ

Весной 1989 г. в Польше компромиссное соглашение увенчало исторические заседания Круглого стола, где собрались реформаторски ориентированные представители тогдашних властей и оппозиции, интеллектуалы и хозяйственные деятели, политики и экономисты. Соглашение стало катализатором великой системной трансформации, охватившей огромную часть мира, вначале – Центральную и Восточную Европу, вскоре после этого – территорию бывшего Советского Союза. Оно также дало импульс рыночной переориентации и ускорению структурных и институциональных перемен в КНР и индокитайском регионе.

В целом на путь более или менее либеральных рыночных и демократических перемен вступили более 30 государств, расположенных на пространстве от Эльбы до Тихого океана и насчитывающих ныне свыше 1.8 млрд. жителей, или более четверти всего населения Земли. После 20 лет трансформации из этого процесса, протекающего в условиях глобализации и очередной фазы научно-технической революции, а также бурных культурных и политических изменений, рождается не просто иной образ этой части планеты, а целый новый мир

1989 год является исторически значимой датой и для многих других регионов мира – от Южной и Центральной Америки, Африки и Ближнего Востока до Южной и Восточной Азии. Это видно на примере таких стран, как Чили и Никарагуа, Гана и Южно-Африканская Республика, Йемен и Сирия, Индия и Шри-Ланка.

Многие признаки поворота, произошедшего в 1989 г., проявлялись уже ранее, в той или иной степени подготавливая отдельные страны к трансформации¹. Тогда же настал конец холодной войне, а вслед за ней и противоборству на территории

¹ См.: *Bąk M.* Europa Środkowa i Wschodnia wobec wyzwania transformacyjnego. Gdańsk, 2006; *Koźmiński A. K.* How It All Happened. Essays in Political Economy of Transition. Warszawa, 2008.

государств Третьего мира обеих сторон этой войны: Первого мира, то есть высокоразвитых капиталистических государств во главе с США и бывшими колониальными метрополиями, и Второго мира во главе с Советским Союзом и КНР. Интересно, что через 20 лет влияние Пекина резко выросло, а в некоторых частях по-новому разделенного мира оно стало самым сильным и продолжает увеличиваться.

Крах реального социализма, окончание холодной войны, постсоциалистическая трансформация, экспансия неолиберализма, нарастающая волна современной глобализации, информационная революция, массовая миграция людей, разрушение естественной природной среды – это главные, наслаивающиеся друг на друга факторы каскадных перемен: культурных, политических, общественных, экономических, технологических и экологических.

Конечно, мы всегда имеем дело с взаимопроникновением и взаимодействием различных процессов. Бывают, однако, такие времена, когда переплетение множасьих изменений образует специфический каскад. Тогда эпохальные процессы развития приобретают нелинейный характер. Именно так происходит на наших глазах. Каскад одновременно происходящих общественных и экономических перемен вызывает буквально тектонические сдвиги на их стыках с природой, культурой, техникой. Возникает новое качество, которое можно объяснить с помощью коинцидентальной теории развития². В именно таком контексте (лишь как один из потоков эпохального каскада) следует воспринимать исторический процесс постсоциалистической системной трансформации.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРЕДОПРЕДЕЛЕННОСТЬ?

Если бы выдающихся экономистов, сведущих как в сути процессов экономического роста и развития в целом, так и в реалиях постсоциалистических стран, спросили, каким будет в среднем (исключая идущие особым путем Китай и страны Индокитая) уровень жизни и производства после двух десятилетий трансформации, не нашлось бы ни одного, кто ответил, что этот уровень повысится всего на 20%. Тогда заявление о росте ВВП на 120% после двух десятилетий системных преобразований было бы воспринято как признание экономической

² См.: *Kołodko G. W. Wędrujący świat*. Warszawa, 2008.

бессмысленности трансформации. Изменять строй для того, чтобы в следующем поколении обречь 400 млн. человек на рахитичный, почти неощутимый среднегодовой темп прироста 0.9%?! А ведь обрekli...

Двадцать лет назад не нашлось бы также никого, кто рискнул предположить, что Китай увеличит свой среднедушевой ВВП не на 1/5, а пятикратно. А ведь именно за такое время огромная страна, которую некоторые до сих пор называют коммунистической, повысила уровень производства более чем на 420%. Причем совершила она это, идя собственным путем, не поддаваясь западным влияниям и советам, как это произошло, хотя и в различной степени в разные периоды, в странах ЦВЕ и некоторых республиках бывшего Советского Союза.

Китайцы сами сумели успешно обеспечить взаимодействие невидимой руки рынка и видимой головы государства. Именно синергия обоих регуляторов общественного процесса воспроизводства предопределила беспрецедентный успех страны, мягко перешедшей от фазы реформирования социалистического планового хозяйства к последовательному созданию капиталистической рыночной экономики. Правда, в КНР по-прежнему этого не признают, а в последнее время, несмотря на нарастание множества конфликтов и противоречий, провозглашают тезис о построении “гармоничного общества”, по намерениям все еще социалистического, но фактически уже рыночного. А ведь рыночное хозяйство по своей природе является капиталистическим – со всеми соответствующими долговременными последствиями, в том числе политического характера.

Мы никогда не узнаем ответа на вопрос из области альтернативной истории: что было бы, если бы? Что было бы, если бы Китай пошел путем хаотичной политической и экономической либерализации подобно России в десятилетие администрации Ельцина? Скорее всего, он имел бы он население больше, чем сейчас, а уровень жизни ниже, чем в 1989 г., при этом наводняя мир все новыми десятками миллионов нищих мигрантов.

Что было бы, если сначала в ЦВЕ, начиная с Польши, а вскоре после этого в Советском Союзе, не возникли политические условия, сделавшие возможными глубокие, комплексные изменения строя. Что было бы, если эта часть мира пошла дорогой постепенных, но успешных рыночных реформ, подобно тому, как это сделали в КНР и странах Индокитая, а не стремительной постсоциалистической трансформации, как это получилось на практике? Можно предположить, что было бы лучше, то есть темпы прироста ВВП в 1990–2009 гг. существенно превосходили

бы мизерные среднегодовые 0.9%, как это было в двадцатилетии 1970–1989 гг. и еще в большей мере в 1950–1969 гг.

Можно, однако, предположить, что вследствие кризисного перелома 80–90-х годов, а также системной неспособности к быстрому и устойчивому росту, эти государства погрязли бы в вековой стагнации и, быть может, имели бы сейчас еще более низкий, чем тогда, уровень производства. Тем не менее, принимая во внимание прогресс рыночных реформ конца 80-х годов (особенно в Венгрии и Польше), а также горбачевские гласность и перестройку, более правдоподобным представляется вариант с более высоким, чем в действительности, средним темпом роста экономики.

Очевидно, что в условиях глубже реформированного социализма иначе действовали бы и механизмы перераспределения. Возможно, неравенство доходов было бы большим, чем в период так называемого реального социализма, но вместе с тем меньшим, чем фактически³. Правда, и это предположение можно оспорить хотя бы потому, что китайский и вьетнамский опыт доказывают нечто другое. Там далеко продвинувшееся реформирование системы социалистического хозяйства повлекло за собой последовательное нарастание неравенства даже в большей степени, чем в странах, которые избрали иную стратегию трансформации. Достаточно упомянуть, что коэффициент Джини, отражающий степень дифференциации доходов, составляет в Китае 0.47 (2007 г.), во Вьетнаме – 0.37 (2004 г.), в то время как в Польше – 0.35 (2005 г.), а в Венгрии – всего 0.28 (2005 г.)⁴.

РЕФОРМЫ И ТРАНСФОРМАЦИЯ

Между рыночными реформами экономики реального социализма и постсоциалистической рыночной трансформацией есть принципиальная разница. В первом случае дело сводится к изменениям в способе функционирования существующего строя для того, чтобы его сохранить. Этому должно было способствовать повышение эластичности системы и ее способности

³ См.: *Kolodko G.W.* From Shock to Therapy. The Political Economy of Postsocialist Transformation. Oxford–N.Y., 2000; *Tomkiewicz J.* Nierówności dochodowe w krajach posocjalistycznych – mechanizmy i uwarunkowania na tle tendencji światowych // *Problemy Zarządzania*. 2007. № 3. S. 121–135.

⁴ См.: *The World Factbook 2008*. CIA. 2009 (www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/index.html).

приспосабливаться к изменяющимся культурным и техническим условиям хозяйствования. Все это делалось для того, чтобы поднять эффективность предприятий и получить, если не поддержку, то по крайней мере терпимое отношение общества к самой системе.

Таким образом, в случае реформ производимые изменения, иногда довольно глубокие и далеко идущие, в принципе должны служить сохранению экономико-политического устройства, а не его слому. Такова была суть советской перестройки конца 80-х годов; реформ в Польше в том же десятилетии⁵; к этому вели преобразования в Венгрии, начатые в 1968 г.; в этом состоял смысл особой югославской модели социалистического самоуправления, инициированной еще в 50-х годах.

В случае постсоциалистической трансформации, напротив, речь идет о ликвидации предшествующей системы и замене ее посредством принципиальной качественной институциональной перестройки новой системой, а *de facto* – рыночной капиталистической экономикой. То, что определение “капитализм” до сих пор на удивление редко применяется в отношении строя, создаваемого на территории ЦВЕ и бывшего Советского Союза, не меняет сути дела. По-прежнему доминируют эвфемизмы типа “рыночной экономики”, хотя ее капиталистическая природа очевидна.

При этом совсем не обязательно, чтобы прежний “коммунизм” со всеми его (в том числе мнимыми) изъянами противопоставлялся “рыночной экономике”, также украшаемой некоторыми гипотетическими, лишь ей присущими преимуществами. Такое целенаправленное, идеологически мотивированное, не имеющее большого практического смысла, но политически полезное противопоставление изображаемого черными красками несуществующего “коммунизма” и идеализированной, но также не существующей в действительности “рыночной экономики” методологически ошибочно и по существу вводит в заблуждение. Корректные сравнения требуют противопоставления реальной действительности (прежней и нынешней), а не очерняемого образа прошлого и подкрашенного описания современности или выдуманного будущего.

Вот почему сравнивать следует так называемый реальный социализм, каким он был на самом деле, особенно в экономическом измерении, с так называемым

⁵См.: *Baka W. Zmagania o reformę. Warszawa, 2007.*

реальным, современным нам постсоциалистическим капитализмом, каким он есть в действительности⁶.

Поразительно, но до проведения таких объективных, комплексных сравнений не дозрели еще ни сообщество экономистов, ни сообщество историков экономики. Следовательно, придется этого еще подождать. Может быть, очередные 20 лет, а, может, и дольше...

СТРАНЫ С ФОРМИРУЮЩИМИСЯ РЫНКАМИ

Термин “страны с формирующимися рынками” (*emerging markets*), который повсеместно используют и которым злоупотребляют без должного осмысления, в том числе для определения постсоциалистической действительности, был придуман отнюдь не для характеристики новой, сложной экономической реальности государств, переживающих трансформацию строя. Этот термин появился как еще одна идея-фикс, что было связано с начавшейся в тот же период экспансией неолиберальной модели капитализма⁷.

Таким образом, “страны с формирующимися рынками” – это не рождающиеся, эволюционирующие и созревающие рыночные экономики, гражданские общества и политические демократии, а формирующиеся новые области хозяйственной активности (особенно спекуляций) для богатой части мира. Той части, которая уже давно сформировалась как капиталистическая экономика, институционально и имущественно созревшая настолько, что в настоящее время так сильна и обеспечена капиталом, что может и хочет использовать его также вне традиционных сфер своего доминирования. Глядя на карту мира, разделенного до 1989 г., можно сказать, что ситуация буквально требовала, чтобы нерыночная часть мира открыла свои двери для проникновения капитала. А это было и остается возможным только через трансформацию социалистического планового хозяйства в капиталистическую рыночную экономику.

С такой же неолиберальной точки зрения “страны с формирующимися рынками” рассматриваются как еще одна историческая возможность проведения выгодных сделок, не обязательно учитывая сопровождающие эти операции социальные издержки в местах их осуществления. С точки же зрения самих стран,

⁶ См.: *Glówczyk J. Szalbiarczy urok transformacji. Warszawa, 2003.*

⁷ См.: *Harvey D. A Brief History of Neoliberalism. Oxford–N.Y. 2005.*

занившихся “формированием” своих рынков, речь идет о принципиально иной задаче, а именно, о создании эффективной и конкурентной системы рыночного хозяйства, которая своей четкой работой могла бы удовлетворительно обеспечивать потребности общества. К этому сводится фундаментальное различие между подходом к постсоциалистической трансформации с неолиберальных позиций и с позиций, адекватных социальной рыночной экономике.

В первом случае речь идет о возможности извлечения прибыли. Этому не следует удивляться, но это нужно понимать и вести себя соответственно. Во втором случае имеется в виду зарождение и развитие иного типа общественных связей, основанных на новых, рыночных принципах хозяйствования. При этом появляются не столько рынки, сколько хозяйствующее общество. А это совсем другое дело. Поэтому декларативная забота Запада о прогрессе и демократии, развитии и благосостоянии постсоциалистических обществ – это прежде всего риторика, скрывающая озабоченность своекорыстными интересами, причем не только политическими, а главным образом экономическими, прежде всего интересами финансовых элит богатых стран.

На это глупо обижаться, но было бы наивно не отдавать себе в этом отчет. Необходимо уметь прагматично приспособливаться к такой реальности как к новому вызову, который в эпоху глобализации, то есть возникновения взаимозависимой мировой экономики, вслед за прогрессирующей либерализацией и интеграцией рынков создает не только совсем новые угрозы и риски, но и в еще большей мере – новые возможности и шансы. Однако, чтобы их баланс был выгодным с точки зрения долгосрочного социально-экономического развития, необходима действенная стратегия, опирающаяся на верную экономическую теорию и правильно намеченные цели развития.

Что касается выше упомянутой исторической предопределенности, то, принимая во внимание диалектику процесса развития в целом, многие перемены были неизбежными. Однако их масштаб должен и впредь оставаться предметом серьезного обдумывания и обсуждения, а также скрупулезной оценки в строго научных и политических категориях. Развал был неизбежным, поскольку к тому времени система реального социализма – экономики, функционировавшей в условиях отсутствия политической демократии и базировавшейся на доминировании государственной собственности, централизованном распределении капитала и

бюрократическом контроле, – уже более двух десятилетий приближалась к своему концу, так как исчерпала способность к развитию.

Население этих стран в растущей мере проявляло недовольство⁸:

– как производители люди выражали разочарование плохой организацией производства, которое не давало ожидаемых результатов;

– как потребители они испытывали нарастание дефицита и синдрома скрытой инфляции (*shortageflation*)⁹. Уровень потребительской удовлетворенности снижался не только относительно (на фоне роста производства), а иногда и абсолютно, так как деньги было трудно не только заработать, но и потратить;

– как граждане люди убедились, что так называемая народная демократия при однопартийной системе не давала возможности организованно и творчески выражать свое мнение и влиять на государственные дела.

В ситуации, когда система явно создавала больше проблем, чем была в состоянии решить, “усталость материала” была настолько велика, что строй должен был рухнуть под тяжестью собственной дисфункциональности. Так и произошло в 1989-м и последующих годах, хотя могло случиться и несколькими годами или десятилетием раньше или позже. Но это обязательно должно было произойти – прежде всего под воздействием растущего общественного давления, выразительней всего проявившегося в Польше, особенно, хотя и не только, через движение “Солидарность”, которое периодически, переходя то на популистские, то на неолиберальные позиции, опровергало само себя¹⁰. Именно в Польше это первыми поняли реформаторски настроенные члены руководства страны, решившись поделить власть за Круглым столом. Совершенно иначе поступили в Румынии. Процессы, протекавшие в других странах, находились между этими двумя крайностями

Очевидно, что внешний нажим сыграл свою роль, но все же преимущественно речь шла о внутренних процессах. Поэтому не следует переоценивать внешнее давление и его влияние на динамику перемен. Внешние силы скорее использовали внутренние процессы распада, нежели навязывали направление и темп изменений. Даже если бы в США тогда правили демократы, дружелюбно и кооперационно настроенные, доброжелательные к реформированию

⁸См.: *Kolodko G. W. Cele rozwoju a makroproporcje gospodarcze*. Warszawa, 1984.

⁹См.: *Kolodko G. W. McMahon W. Stagflation and Shortageflation: A Comparative Approach // Kyklos*. 1987. V. 40. P. 176–198.

¹⁰См.: *Ost D. Klęska “Solidarności”*. Warszawa, 2007.

системы и поискам “социализма с человеческим лицом“, а не конфронтационно настроенные республиканцы, а в Великобритании у кормила власти находились бы преданные социальной рыночной экономике и ищущие “третий путь” лейбористы, а не враждебно смотревшие на Восток тори, реальный социализм все равно был обречен на поражение. Не в конце 80-х – так немного позднее. Однако он отнюдь не был обречен на все то, что произошло потом в течение следующих двух десятилетий и что в немалой мере продолжается и поныне.

ФАКТЫ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ, СПЕКУЛЯЦИИ

Насколько прошлое – это вопрос фактов и их интерпретации, настолько будущее, не учитывая его активное формирование, что особенно важно, – это вопрос спекуляций и их интерпретаций. Первое – труднее, второе – увлекательнее. Ведь по поводу будущего нет фактов. Оно еще только их принесет. Однако то, какими они будут, в большой степени зависит от изначально принимаемых базовых установок и их последствий – теоретических и практических, интеллектуальных и политических. Поэтому выработка при определенной интеллектуальной и формальной дисциплине гипотетических решений на тему будущего не только захватывающая, но может быть даже творческой и плодотворной. Кто не размышляет – тот не предвидит, а без предвидения невозможно участвовать в создании будущего.

Оценка наблюдавшегося до сих пор процесса постсоциалистической трансформации пока остается противоречивой. И так будет еще в течение многих поколений, если не всегда. Тем не менее вырисовываются определенные поля теоретических обобщений, которые трудно опровергать с рациональной позиции¹¹. При этом все разделяют взгляд о том, что в экономическом росте можно было бы достичь большего, хотя в вопросе о путях достижения лучшего результата остаются подчас принципиальные разногласия. Не вызывает все же сомнения, что после 20 лет трансформации ее результаты, измеряемые масштабом экономического роста, могли бы быть значительно большими, а социальные издержки (безработица, неравенство, бедность, повышенная смертность и т.д.) – существенно меньшими. Так же будет и в дальнейшем.

¹¹ См.: *Blanchard O. The Economics of Post-Communist Transition. N.Y., 1997; Csaba L. The New Political Economy of Emerging Europe. Budapest, 2007.*

Из-за шума неолиберальной пропаганды, заинтересованной в изображении фальшивой (ибо безальтернативной) траектории трансформации как проекта и картины ее фактической реализации, редко предпринимаются попытки оценки потенциального экономического роста в 1990–2009 гг. При этом очевидно, что даже правильный результат такой комплексной оценки роста производства и потребления не будет удовлетворительным, поскольку используемый для этого показатель ВВП не охватывает всех аспектов социально-экономической ситуации.

Лучшим, хотя и все равно недостаточным, является применяемый в практике ООН индекс человеческого развития (*Human Development Index, HDI*). Но и он не позволяет оценить, к примеру, состояние окружающей среды, а также величину свободного времени и характер его использования. Со временем все эти, как и некоторые другие, аспекты социально-экономического развития (например, культурные ценности) будут учитываться синтетическим образом – например, в форме интегрированного показателя благосостояния (*Zintegrowany Wskaźnik Pomyślności, ZIP*)¹².

Возьмем пример Польши – крупнейшей экономики среди новых стран – членов Европейского союза. В 2009 г. ее ВВП составил почти 180% к уровню 1989 г. Наряду с Китаем и Вьетнамом это наилучший результат среди постсоциалистических стран (если не считать специфического случая Туркменистана с показателем около 220%¹³, сильно взвинченным из-за бума цен на энергетическое сырье в последние годы). Необходимо добавить, что 80%-ный прирост ВВП в Польше в решающей мере достигнут благодаря быстрому росту в 1994–1997 гг., а также в период со второй половины 2002-го по середину 2008 г. В свою очередь, в 1990–1993 и в 1998–2001 гг. агрегированный рост ВВП был близок к нулю. Разумеется, такие изменения в динамике и уровне производства коррелировались с состоянием безработицы и занятости (рис. 1).

¹² См.: *Kolodko G. W. Wędrujący świat*. Warszawa, 2008.

¹³ См.: *Transition Report 2008. Growth in Transition*. European Bank for Reconstruction and Development. L., 2008.

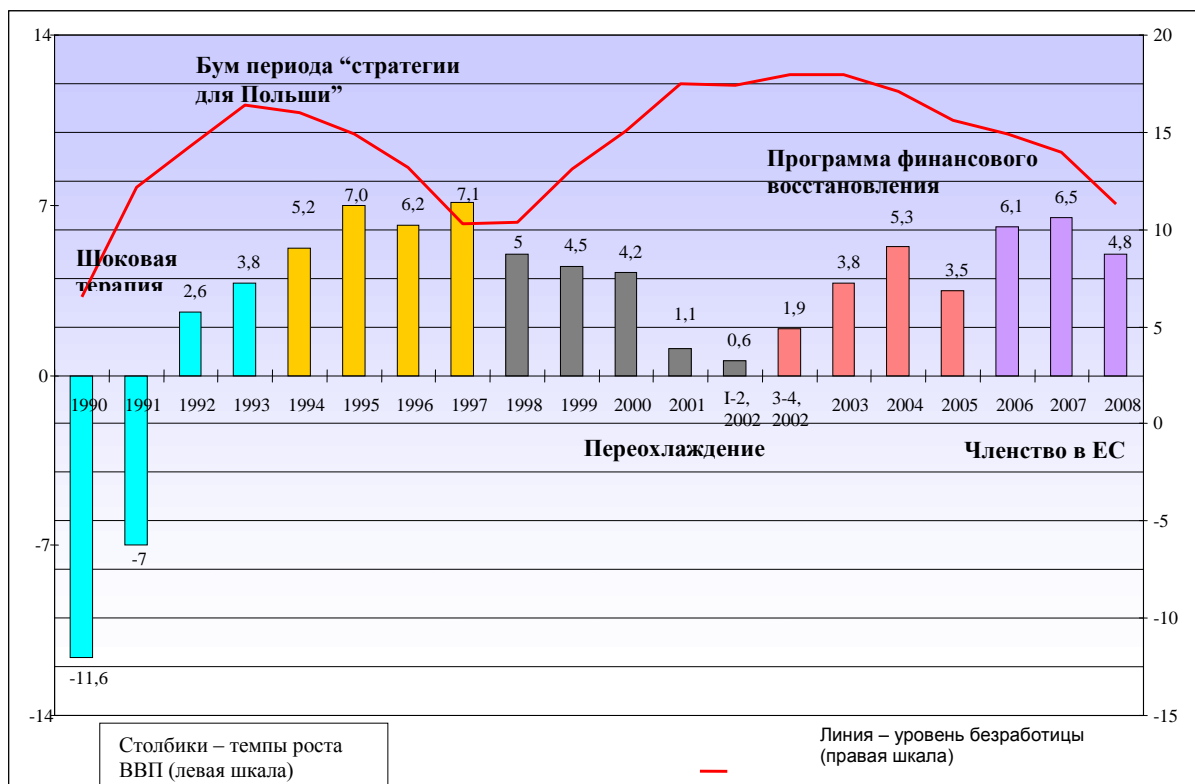

Рис. 1. От шока до терапии. Динамика ВВП и уровень безработицы в Польше в 1990–2008 гг., %

Источник: Główny Urząd Statystyczny. Warszawa (за соответствующие годы).

Была предпринята попытка оценить гипотетический темп роста Польши в минувшем двадцатилетии. Оценка основана на предположении о том, что изменения в объеме ВВП в 1990–1993 гг. могли бы происходить в соответствии с первоначальными наметками правительства (снижение на 3.1% в 1990 г., а затем рост), а в 1989–2001 гг. – в виде, приближенном к реальной динамике за 1994–1997 гг.¹⁴ Это было возможно. Осуществление такого сценария требовало лишь недопущения явных ошибок: разрушительной стабилизационной политики в начале минувшего десятилетия, а позднее, в конце этого десятилетия – ненужного охлаждения экономики, когда темп роста был опущен с рекордных за время трансформации более 7% в 1997 г. до стагнационных 0.2% (в конце 2001 г.)¹⁵.

Если бы политика экономического развития и строительства рыночных институтов была оптимальной и можно было бы эффективнее отреагировать на

¹⁴ См.: *Kolodko G. W. Sukces na dwie trzecie. Polska transformacja ustrojowa i lekcje na przyszłość // Ekonomista. 2007. № 6. S. 799–836.*

¹⁵ См.: *Transition Report 2008. Growth in Transition. European Bank for Reconstruction and Development. L., 2008.*

мировой экономической кризис 2008–2009 гг., удержав в этот период динамику ВВП на уровне около 5%, тогда в 2009 г. объем ВВП Польши составил бы не 180 % к уровню двадцатилетней давности, а почти вдвое больше – свыше 280% (рис. 2).

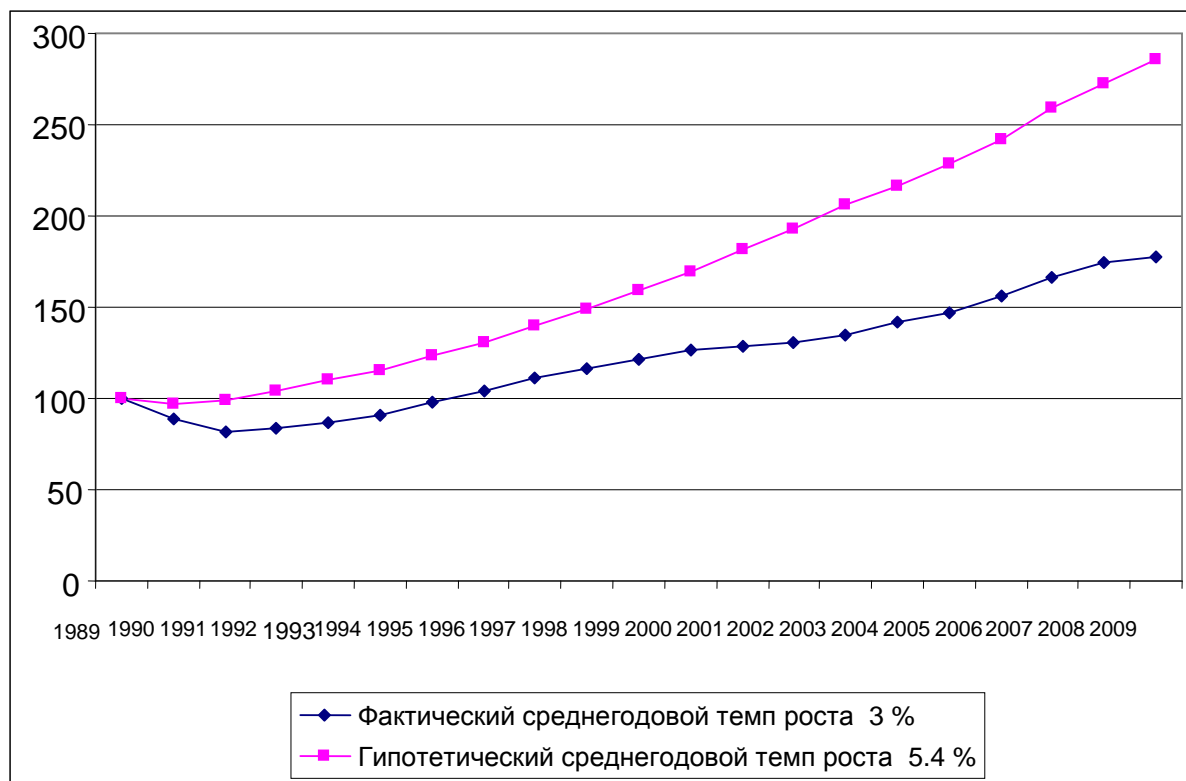

Рис. 2. Что было бы, если... Рост ВВП в Польше в 1989–2009 гг., ВВП 1989 г. = 100
 Источник: Данные о реальной ситуации – Główny Urząd Statystyczny. Warszawa (за соответствующие годы). Гипотетические данные – оценка автора.
 Методологию см.: *Kolodko G . Sukces na dwie trzecie. Polska transformacja ustrojowa i lekcje na przyszłość // Ekonomista. 2007. № 6*

В абсолютном выражении это означало бы, что в Польше подушевой ВВП по ППС составил бы не 18 тыс. долл., как в Латвии, а свыше 28 тыс., то есть больше, чем в Португалии. Это иллюстрирует масштаб неиспользованных возможностей, а тем самым и безвозвратно потерянного дохода. Неполучение потенциально возможного дохода со всеми вытекающими последствиями – результат непродуманного подчинения в определенные периоды экономической политики неолиберальной экономической доктрине.

Что касается других трансформированных экономик, которые в своей массе лишь в 2007 г. восстановили уровень производства 1989 г., то в них масштаб ошибок был еще больше, чем в Польше, а потому недоиспользование потенциала роста там

было еще значительнее. Это происходило по разным причинам, чаще больше политического, чем экономического характера, поскольку почти не прекращавшиеся политические споры (иногда с популистским уклоном, иногда – с неолиберальным) затрудняли проведение рациональной и прагматической политики сбалансированного экономического роста.

Следует, однако, четко сказать: как для Польши не было неизбежным 20 лет двигаться среднегодовым темпом 3%, когда был возможен рост почти в 5%, так и вся группа трансформирующихся стран тем более не была обречена на вялый темп роста на уровне 0.9%. Фундаментальные ошибки экономической стратегии как в области структурных изменений и построения новых институтов, необходимых для нормального функционирования рыночного хозяйства, так и в области экономической политики, строго говоря, имеют свою высокую цену. Сегодня приходится за них расплачиваться худшей, чем в принципе достижимая, конкурентоспособностью предприятий и относительно низким уровнем жизни населения, а также – что создает сложности для будущего – слишком большим внешним долгом и зависимостью от иностранного капитала и политики.

Придется ли платить подобную цену и в будущем? Надеемся, что нет, хотя и не уверены – особенно если принять во внимание, как медленно идет процесс обучения на собственных ошибках. Проявляющаяся здесь инерция – следствие, с одной стороны, привязанности постсоциалистического истеблишмента к не оправдавшим себя доктринам, с другой – давления своекорыстных интересов как отечественных, так и зарубежных лоббистов.

В 2008 г. 10 постсоциалистических стран Евросоюза населяли 103 млн. человек, что составляло свыше 1.5 населения земного шара. Они произвели ВВП общей стоимостью около 1.86 трлн. долл. (по ППС), то есть 2.6% мирового валового продукта и 12.4% совокупного валового продукта ЕС. Подчеркнем, что в абсолютном выражении это меньше (а не больше!), чем 20 лет назад. Произошло это по той простой причине, что как в мире в целом, так и в его богатой части, включая западную часть Евросоюза, темп роста производства в 1989–2008 гг. был значительно выше, чем в постсоциалистических странах.

Однако в следующем двадцатилетии (2010–2019 гг.) может и должно быть иначе. Уже в текущем десятилетии, до того, как разразился мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., в постсоциалистических экономиках наблюдалась значительно более высокая динамика, чем в высокоразвитых странах.

Заметный институциональный прогресс, соединенный с техническим прогрессом и повышением квалификации работников, обернулся более быстрым, чем на Западе темпом роста производительности труда. Эта тенденция при одновременном дальнейшем улучшении качества микроэкономического управления должна сохраняться и в будущем. Очевидно, потребуется также действенная макроэкономическая политика, так как одних микроэкономических изменений недостаточно.

Как ожидается, 2009-й и последующие годы будут отличаться особой неопределенностью, обусловленной накатыванием очередных волн мирового кризиса¹⁶. На этом фоне трудно разумно прогнозировать хозяйственную динамику даже на ближайшие годы, но общий анализ долгосрочных системных изменений подсказывает, что в более длительной перспективе постсоциалистические экономики имеют все основания (геополитические, институциональные, культурные, демографические, технологические) для значительно более быстрого роста, чем экономики “старых” членов Евросоюза.

В многолетнем процессе сокращения различий в уровнях развития в расчет принимается каждая доля процентного пункта, поскольку со временем сказывается арифметика сложных процентов. Но прежде всего важна верная стратегия долговременного быстрого экономического роста, базирующаяся на новом прагматизме¹⁷. Она должна избежать как уклона в популизм, так и в неолиберальных догм. Особенно опасна для экономического равновесия и динамики их комбинация, все еще встречающаяся в практике постсоциалистических стран.

Современная экономическая мысль вполне осознает недостатки показателя ВВП как измерителя развития. Это всего лишь синтетический индикатор, информирующий об изменении величины вновь созданной стоимости-брутто в рамках народного хозяйства. Показатель ВВП не отражает ряда аспектов экономического развития и издержек роста производства, а также потребления. Вне поля зрения оказываются динамика располагаемого свободного времени, социальный капитал, состояние природной среды, культурные и политические аспекты развития, влияющие на степень удовлетворения от экономического роста, а также некоторые потери, сопровождающие чисто количественный рост экономики.

¹⁶См.: *Orłowski W. Świat, który oszalał czyli poradnik na ciekawe czasy*. Warszawa, 2008.

¹⁷См.: *Kolodko G. W. Wędrujący świat*. Warszawa, 2008.

В этой связи предпринимаются попытки использования других, более комплексных измерителей прогрессивности процессов социально-экономического развития. Достаточно вспомнить *HDI*, уже более десяти лет применяемый в рамках Программы развития ООН (*UNDP*). ВВП составляет лишь одну треть в величине *HDI*, а оставшиеся две трети – функция достигнутого уровня образования и состояния здоровья населения, измеряемого через призму его долголетия. Если применять *HDI* для оценки прогресса, достигнутого за два минувших десятилетия трансформации, то общая картина несколько меняется по сравнению с той, которую показывает кривая ВВП. На начальном этапе трансформации масштаб снижения *HDI* не был таким драматичным, как провал валового производства. Это произошло прежде всего ввиду относительно высокого уровня человеческого развития, унаследованного от времен реального социализма, уровня, который в ряде случаев вообще не снизился даже в годы наибольшего спада объема производства и классически интерпретированного потребления.

Предпринимаются и другие, идущие гораздо дальше, чем в случае с *HDI*, попытки конструирования показателя развития, который охватывал бы все важные аспекты долговременного воспроизводства – не только чисто количественные экономические изменения, но также аспекты социальные, культурные, политические и касающиеся контакта человека с его природным окружением. Таким показателем, в котором удельный вес ВВП составляет только 40%, является интегрированный показатель благосостояния (*Zintegrowany Wskaźnik Pomyślności, ZIP*)¹⁸. Однако его применение предполагает создание, с одной стороны, соответствующей базы данных, с другой – конкретизацию статистических оценок и разработку сложной системы весов, что потребует еще много времени и больших методологических усилий.

Тем не менее со временем эти трудности будут преодолены и *ZIP* может найти широкое применение в сравнительном анализе динамики развития и преобразований социально-экономических структур. Тогда картина постсоциалистической трансформации будет выглядеть иначе. Естественно, корреляция с изменением ВВП остается, но масштаб колебаний и форма кривой, отражающей изменение *ZIP*, во многих случаях, как представляется, будут существенно отличаться от полученных с использованием такого простейшего и ограниченного измерителя, как ВВП.

¹⁸ См.: *Kolodko G. W Wędrujący świat*. Warszawa, 2008.

Иными словами, постсоциалистическая трансформация, осуществлявшаяся в 1989–2009 гг., весьма сложна и нелегко поддается оценке, поэтому важно применять более комплексные и вместе с тем более адекватные измерители происходящих перемен. Основой оценок останется базовый синтетический показатель – ВВП, но, глядя на направления изменений его кривых, стоит помнить о том, чего они по определению не могут показывать.

БУДУЩЕЕ

Заглядывая в будущее, обратимся в очередной раз к примеру Польши. Так же как в 1989 г. и в настоящее время, в последующие годы мы будем стоять перед выбором различных путей экономического роста. Предположим также, что речь идет об очень высоком, но недостижимом 5%-ном среднегодовом темпе роста, и возможном, но неамбициозным 3%-ным. Посмотрим, насколько существенной после очередных 20 лет (к 2029 г.) будет разница между уровнем ВВП при темпе роста 3%, наблюдавшемся в 1990–2009 гг., и при темпе 5.4%, который мог бы иметь место в этот период в случае избежания ошибок в экономической политике. Особенно это касается шока без терапии в начале предыдущего десятилетия и ненужного переохлаждения в его конце. Представляется, что при определенных условиях 5%-ный показатель может быть достигнут в течение двух следующих десятилетий, причем принципиальное значение здесь имеет выбор верной экономической теории при разработке долгосрочной стратегии (рис. 3).

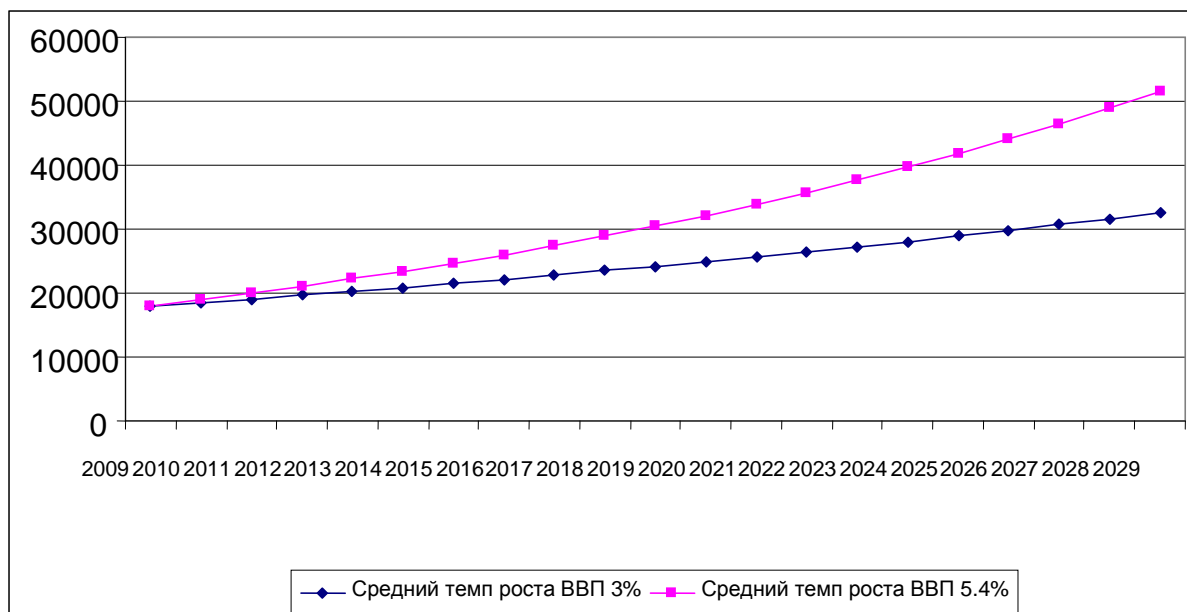

Рис. 3. Гипотетические сценарии экономического роста в Польше в 2010– 2029 гг., ВВП 2009 г. = 18 тыс. долл. по ППС.
Источник: расчеты автора.

Если в течение последующих 20 лет постсоциалистическая десятка стран ЕС смогла бы продемонстрировать рост с темпом 5.4%, то ее совокупный ВВП в 2029 г. составил бы, *ceteris paribus*, 5.33 трлн. долл. по ППС, то есть почти втрое больше, чем сейчас. Если среднегодовой темп роста мирового валового продукта составит в этот период около 3.5% (2.5% в расчете на одного жителя планеты), а для “старых” 15 стран – членов Евросоюза не более 1.5%, то через 20 лет ВВП “десятки” увеличится по сравнению с уровнем этого показателя для ЕС с нынешних 12.4% до примерно 30%, для мира в целом – с 2.6 до 3.8%. Это значительно укрепило бы позиции региона ЦВЕ прежде всего в европейском измерении.

Следует добавить, что к 2029 г. к ЕС, вероятно, присоединится и оставшаяся “десятка” европейских постсоциалистических стран: все балканские государства (Албания, Босния и Герцеговина, Косово, Македония, Сербия, Хорватия, Черногория), а также некоторые постсоветские республики (Белоруссия, Молдавия, Украина). В 2008 г. их общий ВВП составлял 729 млрд. долл. по ППС, из них почти половина (360 млрд.) приходилась на Украину. В сумме ВВП этой “десятки” достигал 39.2%, 4.9 и 1% валового продукта соответственно десяти государств, уже вошедших в состав ЕС; всего Евросоюза; мира в целом. Проводя другие сравнения агрегированного ВВП (по покупательной способности) семи балканских стран и

трех постсоветских республик, можно отметить, что он ненамного превышает ВВП Польши – соответственно 729 и 685 млрд. долл. по ППС (табл.).

Таблица. Население и ВВП стран Центральной и Юго-Восточной Европы в 2008 г.

Страна	Население, млн. человек	ВВП, млрд. долл. по ППС	ВВП на душу населения, тыс. долл. по ППС
Болгария	7.3	95.9	13.2
Чехия	10.2	273.7	26.8
Эстония	1.3	28.6	21.9
Литва	3.6	65.8	18.4
Латвия	2.2	41.6	17.8
Польша	38.5	684.5	17.8
Румыния	22.2	278.4	12.5
Словакия	5.5	123.1	22.6
Словения	2.0	61.8	30.8
Венгрия	9.9	205.7	20.5
ЕС-10	103	1859	18.1
Албания	3.6	23.1	6.4
Босния и Герцеговина	4.6	30.5	6.6
Черногория	0.7	7.2	10.6
Хорватия	4.5	73.4	16.9
Косово	2.1	5.0	2.3
Македония	2.1	19.0	9.2
Сербия	10.2	83.1	8.2
Белоруссия	9.7	116.7	12.0
Молдавия	4.3	10.8	2.5
Украина	46.0	359.9	6.9
ЮВЕ-10	87.7	728.6	8.3
ЦВЕ-20	190	2588	13.6
ЕС-27	491	14960	34.0
Мир в целом	6707	70650	10.5

Источник: The 2008 World Factbook. CIA (<http://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook>).

Как ожидается, стартуя с более низкого уровня, европейские постсоциалистические экономики, все еще остающихся вне Евросоюза, могут в будущем расти быстрее, чем страны, относительно дальше продвинувшиеся в своем развитии. В связи с этим предположение о трехкратном росте ВВП до 2029 г. (примерно до 2 трлн. долл. по ППС) представляется реалистичным. Тогда ВВП всех 20 постсоциалистических европейских государств – “десятки”, уже состоящей в ЕС, и “десятки”, которая со временем должна в него войти, – достиг бы почти 7.4 трлн. долл. по ППС, что с учетом принятых допущений составило бы 5.3% мирового производства.

Население мира к 2029 г. будет насчитывать около 8 млрд. человек, а в странах Центральной и Юго-Восточной Европы будет примерно столько же жителей, как сейчас (190–200 млн. человек). Таким образом, эти 2.5% населения Земли будут производить 1/20 часть (5%) мирового ВВП. В настоящее время население этих стран, составляя 2.84% населения планеты, производит почти 3.7% валового мирового продукта.

Более важно то, что при оптимистическом сценарии ежегодного роста на 5.4% для 10 постсоциалистических стран, уже оказавшихся в Евросоюзе, подушевой показатель ВВП увеличился бы на 34 тыс. долл. по ППС (с 18 тыс. в среднем сейчас до 52 в 2029 г.), или без малого на 190%, учитывая, что число жителей этих стран будет немногим больше, чем теперь. Но было бы хорошо, если бы эти страны смогли воспользоваться ростом производства и достичь ощутимо более высокого стандарта жизни. Именно к этому надлежит сводить смысл постсоциалистической системной трансформации, не путая, как это случалось до сих пор, средства ее реализации с ее же целями.

РЕЗЮМЕ

Итак, отвечая на вынесенные в название статьи вопросы, надо констатировать: несомненно, могло быть лучше – правда, в неодинаковой степени в отдельных странах, в разных пределах для конкретных индивидуумов и социальных групп. Лучше было бы, если бы были более верно сформулированы цели и если бы

системная трансформация трактовалась бы не как самостоятельная задача, а как инструмент достижения высшей цели – быстрого наверстывания исторического отставания в социально-экономическом развитии¹⁹.

Будет ли лучше? В абсолютном смысле – безусловно да. После двух очередных десятилетий перемен будет наблюдаться более высокий – дву- и даже трехкратный рост уровня производства и потребления. Будет ли через 20 лет среднедушевой ВВП новых стран ЕС колебаться вокруг 50 тыс. долл. по ППС? Это маловероятно для всего более чем 100-миллионного населения данной части Европы, но возможно для некоторых стран и регионов (поскольку все чаще необходимо мыслить в категориях регионов и все реже – в категориях стран), которые сумеют достичь экономических успехов. Там, где это получится, это будет означать больше, чем только достижение среднедушевого ВВП, равного нынешнему уровню в 15 “старых” членов Евросоюза. И хотя эти государства тоже продвинулись вперед, увеличив свое производство и потребление по крайней мере на треть, все меньше будет расстояние, отделяющее Центральную, Восточную и Юго-Восточную Европу от Западной. Однако и через 20 лет во многих случаях различия останутся существенными, по-прежнему порождая социальную напряженность и политические проблемы.

Напротив, в относительном смысле вовсе не должно быть лучше, поскольку субъективные мнения основываются не на оценке дистанции, преодоленной в отношении прошлого, и не на сокращении отрыва от более состоятельных обществ и более богатых частей мира, но прежде всего на самооценке внутренней ситуации – индивидуальной, групповой, социальной, национальной, воспринимаемой в сравнении с ожиданиями и представлениями. Не подлежит сомнению, что ожидания всегда будут выше и возможностей их удовлетворения, и фактических результатов. И что важно, они будут, с одной стороны, движущей силой дальнейших перемен, а с другой – причиной бесконечных разочарований.

С точки же зрения самой динамики роста и развития, а также будущего прогресса в этих областях, ситуация и впредь будет хуже, чем могла бы быть. Как всегда, потенциал не будет использован полностью по той же причине, что и в минувшем двадцатилетии. Таким образом, это по-прежнему будет период, устланный полосой ошибок в экономической политике вследствие плохо

¹⁹См.: *Kolodko G. W. Globalizacja a perspektywy rozwoju krajów posocjalistycznych*. Toruń, 2001.

разрешаемых конфликтов групповых интересов, частичной опоры на неправильные теоретические принципы и шире – общего отставания теории от действительности, а также постоянных проблем вначале с конкретизацией, а потом – с дезагрегированием общей цели развития. Так было, так есть и так будет.

Выводы, вытекающие из минувшего двадцатилетия, а также из предшествовавших ему лет, должны помочь сократить брешь между потенциалом и реальностью в следующие два десятилетия. Но все же и в 2029 г., как и в 1989-м, и 2009-м, будет достаточно тех, кто на вопрос о том, когда, наконец, будет лучше, с сарказмом ответит: уже было...

Ключевые слова: постсоциалистическая трансформация, развивающиеся рынки, экономический рост, валовой внутренний продукт, индекс развития человеческого потенциала, интегрированный показатель благосостояния, Евросоюз, Польша.

Перевод с польского
И. КОБРИНСКОЙ